

УДК 93/94

Проекты реформ донского образования первой половины 1860 гг.: А.М. Дондуков-Корсаков, Х.И. Попов, Н.И. Краснов

Артем Юрьевич Перетяцько

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Американская ассоциация историков, США

Теймур Эльдарович Зульфугарзаде
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проектам реформ в сфере донского образования, которые предлагались общественными деятелями начала 1860 гг. А.М. Дондуковым-Корсаковым, Х.И. Поповым, Н.И. Красновым. На основании архивных материалов и публикаций этих авторов, в некоторых случаях прежде не вовлекавшихся в научный оборот, показано, что именно во взглядах на будущее донского образования крайне ярко и репрезентативно проявилась разница между донскими консерваторами-«казакоманами» и либералами-«прогрессистами». Казакоманы делали ставку на последовательные реформы, решение наиболее актуальных и очевидных проблем донского образования. Прогрессисты, напротив, считали, что эти проблемы разрешатся сами собой после системных реформ казачества, уничтожающих его как чисто военное сословие. К сожалению, из-за политической борьбы не был реализован ни прогрессистский, ни казакоманский вариант реформ, что негативно сказалось на дальнейшем развитии донского образования.

Ключевые слова: Земля Войска Донского, донское казачество, донское образование, А.М. Дондуков-Корсаков, Х.И. Попов, Н.И. Краснов

Введение

1860 гг. были для российского казачества временем надежд и страхов, временем, когда власть и местные общественные деятели предлагали проекты смелых реформ и одновременно опасались, что непродуманные преобразования могут разрушить само казачье сословие. Даже консерваторам была очевидна необходимость каких-то изменений, но они призывали идти путем эволюции, а не революции сверху. В 1862 г. анонимный автор консервативного лагеря, скрывавшийся под псевдонимом «Оренбургский казак», напоминал в официальном «Военном сборнике», что «как ни похвально стремление к усовершенствованиям вообще, но для достижения верных и благоприятных результатов в деле благоустройства <...> должен быть выполнен закон последовательности» (Оренбургский казак, 1862: 103).

И в Донском Войске как консерваторы-«казакоманы», так и либералы-«прогрессисты» связывали большие надежды со сферой образования. Донские казаки традиционно были грамотны и умственно развиты, причем инициатива в обучении исходила от них самих, а не местных властей. Как писал В.Д. Новицкий, иногородний чиновник, служивший на Дону в 1860-1870 гг. и отнюдь не сочувствовавший казачеству, «грамотность в Войске Донском развилась сама и шла сознательным путем еще тогда, когда министерство просвещения находилось в колыбели к распространению грамотности среди народа» (Новицкий, 1991: 58-59). Однако со стороны правительства тяга донских казаков к грамотности находила очень ограниченную поддержку: в начале 1860 гг. на территории Земли Войска Донского один учащийся приходился на 321 человека, и это соотношение было одним из худших во всей Европейской России (Краснов, 1863: 402). Та

системы образования, что сложилась на Дону к этому времени, имела и достоинства: например, шанс на обучение в гимназии и университете за государственный счет был у талантливых казаков даже из простых и бедных семей (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 376). Однако, по мнению местных общественных деятелей, настало время серьезными реформами подтолкнуть донское образование к дальнейшему развитию.

В своей статье мы хотим проанализировать воззрения трех авторов, для которых будущая эволюция донского казачества и развитие системы образования на Дону были неразрывно связаны. Они происходили из совершенно разных социальных групп, и в дискуссии начала 1860 гг. о будущем Дона примкнули к противоборствующим лагерям: русский аристократ князь А.М. Дондуков-Корсаков и простой казак Х.И. Попов в это время поддерживали казакоманов, а Н.И. Краснов, представитель богатого рода донских дворян, был убежденным прогрессистом. На основании их текстов мы попытаемся понять, каких изменений в донских школах хотели либералы и консерваторы, какие проблемы мешали развитию образования на Дону, и насколько разрешали их правительственные законоположения начала 1860 гг.

Материалы и методы

Наше исследование будет опираться на первоисточники: работы А.М. Дондукова-Корсакова, Х.И. Попова и Н.И. Краснова, созданные в начале 1860 гг. Часть этих текстов давно знакома ученым и вовлечена в научный оборот: «Записка о Войске Донском» А.М. Дондукова-Корсакова была проанализирована и полностью опубликована донским краеведом А.А. Карасевым еще в 1896 г. (Карасев, 1896: 569-591), «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» Н.И. Краснова являются наиболее полным историко-статистическим описанием Дона середины XIX в., а «Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов» Х.И. Попова, хотя и менее

известны, но упоминались в новейшей исторической литературе (Volvenko, 2015: 199). Однако это не мешает как Х.И. Попову, так и Н.И. Краснову оставаться своеобразно полузабытыми авторами: их имена известны любому, кто серьезно увлекается прошлым донского края, но многие их работы, в том числе и те, в которых серьезное влияние уделяется проблемам образования, до недавних пор не привлекали внимания историков.

Это относится, в частности, к «Замечаниям депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске Донском». Этот труд не является единоличным творением Х.И. Попова, но донской краевед принимал активное участие в его создании и выступал редактором окончательной версии документа (Донцы, 2003: 409). Более того, работая с рукописью «Замечаний...», хранящейся, кстати, в фонде Х.И. Попова в Государственном архиве Ростовской области, мы обнаружили, что часть текста была написана им собственноручно (почерк совпадает с подписанной пометой на полях (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 66).

Обстоятельный и подробный, текст рукописи содержит мнение простых казаков Хоперского округа о насущных потребностях казачества, однако, к сожалению, о нем не упоминает даже Р.Г. Тикиджьян в статье, специально посвященной подготовке нового «Положения о Войске Донском» (Тикиджьян, 2014: 95-98).

Еще более любопытная ситуация сложилась вокруг «Военного обозрения Земли Войска Донского» Н.И. Краснова. Современной историографией донской статистик позиционируется как автор двух важнейших книг, «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» и «Военного обозрения Земли Войска Донского» (Королев, 1991: 237). При этом год издания второй из них вызывает определенные сомнения, и мы выражали свое несогласие с В.Н. Королевым, который датировал ее 1864 г. (Peretyatko, 2017: 6). Однако работа в Российской национальной библиотеке привела нас к неожиданному выводу: оказалось, что Н.И. Краснов написал две книги с одинаковым

названием «Военное обозрение Земли Войска Донского», в которых совпадает только часть текста. Если издание 1870 г. используется современными авторами, то книга 1864 г., содержащая критику предполагаемых правительственных реформ в казачьих войсках, просто неизвестна историкам, специально занимающимся второй половиной XIX в. Поскольку нами вовлекаются в оборот доселе не привлекавшие внимания историков тексты, мы будем применять историко-описательный метод, пересказывая и цитируя их основные положения. Историко-сравнительный метод будет необходим нам как для сопоставления предложений разных авторов начала 1860 гг. о предстоящих реформах донского образования, так и для выявления их связи с правительственными реформами и донскими реалиями.

Обсуждение

Идейным вдохновителем донских казакоманов и даже «мучеником» за их дело был начальник штаба войска Донского князь А.М. Дондуков-Корсаков. В 1862 г., когда до Новочеркасска дошли правительственные проекты предполагаемых радикальных реформ, молодой генерал, которого прочили в будущие атаманы, выразил полное несогласие с ними, причем не только кулуарно, но и в «Записке о Войске Донском», отправленной в Военное Министерство. Демарш чиновника не прошел незамеченным, и едва не стоил ему карьеры: А.М. Дондуков-Корсаков был снят с должности и до 1869 г. находился в опале (Карасев, 1896: 570-571). Но в рамках нашего исследования важнее то, что в «Записке о Войске Донском», первом программном документе донских казакоманов, проблемам образования отводится заметная, если не ключевая роль.

Именно с пункта о «распространении средств к образованию молодого казачьего поколения» начинается ее раздел «Настоящие потребности Войска Донского», представляющий собой альтернативный правительственным проект будущих реформ. А.М. Дондуков-Корсаков обращал внимание

имперских властей на три проблемы, которые требовали немедленного решения. Прежде всего, в начале 1860 гг. единственная гимназия на территории Земли Войска Донского, расположенная в Новочеркасске, не имела даже собственного здания, и вынуждена была находиться в небольшом частном доме. В результате гимназическое начальство не могло принять всех желающих, и вынуждено было отказывать потенциальным ученикам просто из-за отсутствия места в классах (Карасев, 1896: 580). Другой проблемой было то, что одной гимназии на 14 000 000 десятин земли было явно недостаточно, и давно назрела потребность открыть новое среднее учебное заведение в верховых округах (Карасев, 1896: 580). Наконец, во многих станицах понимали необходимость организации собственных училищ, и обращались с просьбами об их открытии к местным администрациям (Карасев, 1896: 580). По мнению А.М. Дондукова-Корсакова, сами казаки, от дворян до простых станичников, прекрасно осознавали все эти три проблемы, «постоянно выражали свои стремления» их решить и «жадно ждали осуществления своих справедливых надежд» (Карасев, 1896: 580). Но войсковые власти не могли пойти им на встречу. Этому мешала непродуманная политика жесткой централизации, которая препятствовала открытию новых учебных заведений даже в тех случаях, когда местные и имперские власти имели к этому средства и желание. Так, в 1861 г. Военное Министерство распорядилось построить в Новочеркасске два здания для гимназий, и даже выделило для этого соответствующие средства. Однако в 1862 г. строительные работы еще не были начаты, и, по прошлому опыту, начальник штаба Донского Войска предполагал, что правильное по сути распоряжение правительства утонет в океане рекомендаций и согласований, и так и не будет выполнено из-за бумажной волокиты (Карасев, 1896: 580-581). «Дела такого рода большей частью тянутся по несколько лет, возвращаются обратно для изменения в проектах какой-нибудь капители, фронтона или внутреннего расположения комнат, о котором легче всего судить на месте и ближайшему начальству, и утверждаются тогда, когда уже

выставленные цены в первоначальных сметах не соответствуют существующим» (Карасев, 1896: 581). А.М. Дондуков-Корсаков предупреждал, что в казачьей среде уже возникли слухи о том, что «правительство имеет цель приостанавливать образование казаков», поскольку даже самые насущные потребности донского края в школах и гимназиях не удовлетворялись (Карасев, 1896: 581).

Таким образом, с точки зрения идеолога донских консерваторов, человека, пользовавшегося большим уважением в казачьей среде (Карасев, 1900: 167-174), грядущие реформы донского казачества должны были начаться с расширения существующей в донском регионе сети начальных и средних учебных заведений. И, как ни парадоксально, эта часть «Записки о Войске Донском» была выполнена почти полностью, несмотря на опалу автора. 1860 гг. стали временем, когда число школ на Дону росло в геометрической прогрессии. Если в 1859 г. в казачьих станицах и хуторах было 28 приходских училищ (Краснов, 1863: 398), то к 1868 г. их число выросло до 110 (Краснов, 1870: 227). Особенно улучшилась ситуация с образованием крестьян, которая была без преувеличения катастрофической: в конце 1850 гг. в крестьянских поселения Земли Войска Донского не было ни одной школы, и только 52 крестьянских ребенка учились в приходских училищах казачьих станиц (Краснов, 1863: 401-403). А через десять лет крестьянские поселения уже обогнали по числу школ казаки: к 1868 г. в них функционировало 117 училищ (Краснов, 1870: 228). Еще донской статистик конца XIX в. С.Ф. Номикосов отмечал, что в 1860 гг. произошел невиданный количественный скачок в донском образовании. Правда, он делал акцент на ином моменте: если в николаевскую эпоху число учеников донских школ росло достаточно медленно, и за 30 лет с 1830 г. до 1860 г. только удвоилось, то за последующее десятилетие количество школьников увеличилось в 6 раз! Показательно, что после 1870 г. темпы роста числа учащихся снова замедлились, хотя и существенно превышали николаевские показатели (Номикосов, 1884: 575). Рост числа школ и учеников в них осуществлялся

главным образом за счет приходских училищ, но в 1860 гг. была открыта и вторая гимназия на Дону. Как и предлагал А.М. Дондуков-Корсаков, она была расположена в верховых округах Земли Войска Донского, в станице Усть-Медведицкой (Донскова, 2011). Тем не менее, число людей, получающих полноценное среднее образование, возросло не значительно: если в конце 1850 гг. в новочеркасской гимназии училось 532 человека, то в конце 1860 гг. число учащихся в обеих гимназиях, новочеркасской и усть-медведицкой, не превышало 785 (Краснов, 1870: 227).

Остается констатировать, что предложенная А.М. Дондуковым-Корсаковым реформа местного образования действительно представляла собой «настоящую потребность Войска Донского», и реализации этой реформы не помешали ни партийная борьба донских либералов и консерваторов, ни ограниченность ресурсов Военного Министерства. Фактически, А.М. Дондуков-Корсаков предлагал привести систему учебных заведений на Дону в состояние, отвечающее хотя бы минимальным потребностям казачества и решить для начала хотя бы самые очевидные и бросающиеся в глаза ее проблемы.

Другие казакоманы шли в своих надеждах и предложениях гораздо дальше. В 1863 г., в условиях откровенного недовольства правительственными проектами грядущих преобразований, Военное Министерство дало добро на достаточно смелую инициативу войскового атамана П.Х. Граббе: до разработки нового «Положения о Войске Донском», основополагающего документа, фиксирующего права и обязанности донского казачества, были допущены станичные депутаты (Волвенко, 2014: 16). 8 ноября того же года начали свои совместные заседания представители верховых округов, Хоперского и Усть-Медведицкого (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 1-1об). От Преображенской станицы в это собрание был избран Х.И. Попов, впоследствии известный донской краевед и основатель Донского музея (Донцы, 2003: 409). Созданный в итоге депутатами верховых станиц документ, «Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа,

на проект основных начал Положения о Войске Донском», судя по всему, отражал позицию не только жителей Хоперского округа, но и всего казакоманского большинства донских казаков. Депутаты от Усть-Медведицкого округа, как мы уже упомянули, вообще изначально собирались на общие заседания с хоперцами, и, видимо, предполагали составить общий текст, оппозиционный правительственному проекту. Об этом можно судить уже потому, что черновой рукописный текст «Замечаний...» начинается с преамбулы, где он позиционируется как плод совместного творчества представителей Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Только впоследствии упоминание о усть-медведицких депутатах было вычеркнуто (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 1). Сделано это было, как нам кажется, не из-за какого-то расхождения, но ради аппаратной борьбы: с середины текста упоминания о представителях Усть-Медведицкого округа меняют характер, и говорится не об их консолидированной позиции с хоперскими депутатами, но о том, что усть-медведицкие депутаты самостоятельно пришли к схожим выводам (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 31об-32). Вероятно, предполагалось, что два документа от разных округов произведут на правительство большее впечатление, чем один совместно подготовленный. Об отношении к тексту «Замечаний...» казаков других донских округов можно судить по тому, что Х.И. Попов вскоре после их завершения был назначен представителем от всего донского казачества в основной состав комитета, разрабатывающего новое «Положение о Войске Донском» (Донцы, 2003: 409).

«Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске Донском» содержат целый ряд пунктов, посвященных донскому образованию. Это представляется нам закономерным, поскольку активно участвовавший в создании этого документа Х.И. Попов, как и А.М. Дондуков-Корсаков, связывал успехи будущего развития Дона именно с распространением образования в казачьей среде. За несколько месяцев до начала заседаний представителей верховых

округов будущий донской краевед опубликовал в «Донских войсковых ведомостях» статью, в которой предлагал собственную программу реформ казачества. Из восьми пунктов этой программы с образованием были связаны два. Почти дословно повторяя слова А.М. Дондукова-Корсакова, Х.И. Попов призывал «увеличить средства к образованию» на территории Земли Войска Донского. Однако, в отличие от своего идейного предшественника, депутат от станицы Преображенской призывал не ограничиваться созданием на Дону новых училищ и гимназий, но открыть полноценный университет (Х.П., 1863: 2-3). Предложение это представляется нам насколько смелым, настолько и нереалистичным: в условиях редкой российской университетской сети 1860 гг. Земля Войска Донского, лишённая крупных городов, территориально близкая к Харьковскому университету и имеющая всего две гимназии на всю свою площадь, едва ли годилась на роль нового университетского центра. Куда более любопытным выглядит второе предложение Х.И. Попова: донской общественный деятель считал нужным освободить от обязательной воинской службы казаков, «получивших специальные ученые познания, и ученых и художников, получивших воспитание на собственное иждивение» (Х.П., 1863: 2-3).

В «Замечаниях депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске Донском» именно эта идея, идея наделения образованных казаков особыми правами, получила наибольшее развитие. В принципе, ее нельзя было назвать новой: определенные шаги в этом направлении были предприняты правительством еще до 1860 гг., однако их трудно признать удачными. В новочеркасской гимназии, помимо стандартных гимназических предметов, читались курсы сельского хозяйства, законовещения и военных наук. Лица, окончившие эти курсы и имеющие высокий средний балл (выше 4) получали право на получение первого офицерского чина сразу после выпуска (Краснов, 1863: 399). Увы, на практике курсы законовещения и военных наук проводились вместо уроков латинского языка, и число выбирающих их было невелико, причем это были

в основной массе слабые ученики. В итоге на офицерский чин мог претендовать один выпускник гимназии за 2-3 года, а остальные из-за низкого среднего балла или не прослушанного курса военных наук должны были служить на общих основаниях (Краснов, 1863: 399). Военное Министерство осознавало порочность такой ситуации, и в своем проекте реформ предложило давать особые льготы при получении офицерских чинов всем выпускникам новочеркасской гимназии, окончившим курс военных наук. Зато объем этих льгот урезался: при зачислении на службу такие выпускники могли претендовать только на урядничий чин, а первый табельный чин хорунжего давался бы только через год (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 41-41об).

Депутаты сочли это предложение недостаточным. Они полагали, что было бы разумно давать право на облегченное получение первого табельного чина казакам-выпускникам гимназий при зачислении как на военную, так и на гражданскую службу. Соответственно, не было смысла привязывать эту привилегию к чтению курса военных наук, но следовало предоставлять ее всем казакам-выпускникам гимназий (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 41-41об). К сожалению, текст «Замечаний...» не содержит более подробного обоснования этого решения, но, как нам представляется, представители Хоперского округа хотели поощрять казаков, получивших образование. Нет подробных мотивировок и в тех местах, где рекомендуется облегчать восхождение по карьерной лестнице выпускникам других учебных заведений, зато те возможности, которые депутаты хотели дать им, были весьма щедрыми. Выпускников духовных семинарий в этом отношении было вообще рекомендовано приравнять к окончившим гимназии (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 41-41об), а лицам, успешно прошедшим курс окружных училищ, советовали дать право претендовать на урядничьи чины уже после первого года службы (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 41об-42).

В тексте «Замечаний...» было поддержано и предложение Х.И. Попова освободить казаков, получивших специальное образование, от обязательной

военной службы и всех связанных с нею повинностей, причем безо всякой компенсации. При этом особо подчеркивалось, что все права казачьего сословия, включая владение паевыми участками, образованные казаки должны были сохранять (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 60б). Совокупность предложений хоперских депутатов фактически предполагала, что на Дону, помимо казачьих дворян и торговых казаков, появится еще одна субсословная группа со своим набором прав и обязанностей, группа казаков, получивших образование.

Предложение освободить образованных казаков от призыва в чем-то перекликалось с концепцией «войсковых граждан», популярной среди чиновников Военного Министерства в 1860 гг. В рамках этой концепции, на короткое время реализованной в большинстве казачьих войск в следующем десятилетии, часть казаков за дополнительный налог полностью освобождалась от военной службы, и могла направить свои умения и труд на гражданское развитие края (Волвенко, 2016: 68-71). Такая организация казачества не прижилась, и современники критиковали ее, помимо прочего, за то, что в «войсковые граждане» казаки чаще всего попадали не из-за желания заниматься сельским хозяйством, торговлей, промышленностью или другими видами деятельности, не совместимыми с действительной службой, но благодаря слепому жребию (Хорошхин, 1873: 143). Предложение станичных депутатов освобождать от обязательного призыва на основании полученного образования выглядит намного более логичным и продуманным, и остается только пожалеть, что оно не было реализовано из-за противостояния имперской власти с донскими консерваторами.

«Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске Донском» содержат и другие идеи о необходимых реформах донского образования. Важнейшая из этих идей заключалась в том, что все казаки должны были иметь равные права на получение образования. Депутаты сформулировали эту идею как в обобщенном виде, потребовав законодательно закрепить ситуацию начала

1860 гг., когда в большинство гражданских учебных заведений на одинаковых основаниях принимались дети донских дворян и простых казаков (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 41), так и при уточнении статуса отдельных учебных заведений, причем не только гражданских. Так, крайне несправедливой была признана ситуация вокруг школы донских урядников (очевидно, речь идет о классе донских урядников в Санкт-Петербурге, поскольку отдельной школы донских урядников в начале 1860 гг. не существовало (Краснов, 1863: 402). Представители Хоперского округа отмечали, что оплату за обучение в этом учебном заведении вносит все войско в целом, а право обучаться там имеют только дворяне. Единственным способом исправить эту ситуацию, по мнению авторов «Замечаний...» было разрешение на прием в школу урядников всех казаков, независимо от их происхождения (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 51). Столь же несправедливой была сочтена и ситуация вокруг отделения восточных языков новочеркасской гимназии, правда, по иной причине: в то время как во все остальные отделения на равных основаниях принимались дети всех казаков, отделение восточных языков было открыто только для детей дворян и чиновников. Депутаты не видели рациональных причин для подобного различия, и предлагали отменить его (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 64). Наконец, не встретила их поддержки и идея ограничить женское образование на Дону дочерьми дворян, чиновников, священников и купцов из казачьего сословия, запретив девочкам из обычных казачьих семей поступать в Донской институт для девиц. Представители Хоперского округа рекомендовали открыть его для всех девушек-казачек (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 64-64об).

Плохое финансовое положение так же не должно было лишать казака шанса на получение образования. Предложение Военного Министерства формировать войсковой училищный капитал из сборов с учеников за прослушивание лекций в новочеркасской и усть-медведицкой гимназиях еще до ноября 1863 г. раскололо кодификационный комитет, обсуждавший

правительственный проект нового «Положения о Войске Донском». Часть его членов высказалась против сборов за обучение, и потребовала отменить их. Депутаты Хоперского округа единогласно поддержали это решение, предлагая сохранить бесплатное образование (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 75).

Таким образом, Х.И. Попов и другие выборные от хоперских станиц хотели сделать сеть донских учебных заведений максимально доступной для всех казаков. Однако многие из предложенных ими мер едва ли можно считать удачными: например, введение платы за обучение в гимназиях было абсолютно необходимым решением, к тому же, никак не затрагивавшим бедных учеников. Дело в том, что штатное жалование учителей гимназий Российской империи признавалось недостаточным самим министерством просвещения, и для решения этой проблемы было разрешено взимать с зажиточных учеников оплату в 5-10 руб. серебром в год, которая затем делилась между учителями и самыми бедными учениками (Артинский, 1907: 187). В новочеркасской гимназии, едва ли не единственной в империи, эта плата не собиралась, и обучение было бесплатным, но зато учителя были вынуждены брать на себя дополнительные частные уроки или искать иные способы заработка. Военное Министерство попыталось разрешить эту ситуацию общепринятым путем, с 1861 г. введя оплату за обучение в новочеркасской гимназии в размере 5 руб. в год, причем сразу оговорив, что бедные ученики не только не должны будут вносить плату, но и получают часть собранных денег (Артинский, 1907: 187). Однако донским обществом такое решение было воспринято крайне негативно. Директор гимназии, С.С. Робуш, жаловался в 1863 г.: «Плата возбуждает здесь ропот, и не только в неразвитом классе, но и в более образованном обществе. Жалобы на гимназическое начальство за взимание платы с учеников гимназии доходили до наказного атамана от таких лиц, которые вовсе не тяготились за учение сына платить 2 руб. 50 коп. серебром в полугодие, но которые видели в этой плате какое-то нарушение своих *привилегий* (курсив С.С. Робуша – А.П.)»

(Артинский, 1907: 187-188). В другом случае депутаты от Хоперского округа демонстрировали явные двойные стандарты: как мы отмечали выше, они потребовали допускать всех казаков в школу урядников на том основании, что их обучение оплачивалось войском в целом, а не только дворянами, но при этом о том, что Донской институт для девиц содержался за счет особых пошлин с дворян и обязательных пожертвований с них же (Краснов, 1863: 401), в тексте «Замечаний...» не было упомянуто ни единым словом, зато рекомендовалось принимать в него девушек из любых казачьих семей.

Локальным, но по своему очень важным нам представляется содержащееся в «Замечаниях депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске Донском» предложение о коренной перестройке принципов медицинского образования на Дону. В отечественной историографии господствует мнение, согласно которому традиционная народная медицина достаточно успешно заменяла казакам медицину профессиональную. В недавно вышедшем учебнике по истории донского казачества содержатся, например, такие строки: «Казачество, находясь на перекрестке цивилизаций, сформировало свою уникальную природную аптеку, создало приемы и метода лечения ран и болезней, закрепило медицинские знания в опыте и определенной системе представлений. <...>. Знахарки и целители лечили огнестрельные и колото-режущие раны, ангины, жар, бессонницу, грыжи, икоты, лишай, сибирку и многие другие болезни» (История, 2008: 292). Более осторожно пишет об этом В.Г. Василенко, посвятившая свою научную деятельность изучению истории здравоохранения и медицинского образования на Юге России: по ее мнению, народная медицина не являлась панацеей, но имела свои положительные стороны, часть ее наработок остается востребованной и по сей день, и даже после появления профессиональных медиков казаки не просто продолжали обращаться к знахарям, но порой и предпочитали их дипломированным врачам (Василенко, 2005: 24-29). Зато С.В. Соловьева вообще доходит до утверждения, что полноценные лечебные заведения и

профессиональные врачи казакам были не нужны: «Долгое время среди казаков не было острой потребности в специальных медицинских учреждениях. <...>. Каждый казак был сам себе лекарь, всегда мог оказать первую помощь своему товарищу» (Соловьева, 1995: 60).

И только в последние годы представление о эффективности донской традиционной медицины стало подвергаться сомнению. Известный историк Кавказской войны А.В. Захаревич недавно выпустил статью, в которой показал, что в начале XIX в. общее состояние медицины на Дону было неудовлетворительным (Захаревич, 2016: 49-71). Приведя многочисленные утверждения о якобы высочайшем уровне казачьего народного целительства, современный автор противопоставил им реальные факты, из которых самым показательным нам представляется тот, что на Кавказской линии годовые потери донских полков от болезней доходили до 10% (Захаревич, 2016: 61). Однако в дальнейшем А.В. Захаревич сам усомнился в своих выводах, и в следующей статье предположил, что, возможно, составленные профессиональными медиками XIX в. документы о «тщете» казачьей народной медицины и ее жертвах были связаны с тем, что люди с медицинским образованием просто... «не понимали, что могут дать какие-то травы, заговоры и т.д., по сравнению с высокой наукой» (Захаревич, 2017: 15).

Депутаты Хоперского округа в споре сторонников и противников казачьей народной медицины занимали сторону не современных историков, но профессиональных медиков своей эпохи. Более того, они считали серьезным недостатком спущенного сверху проекта грядущих преобразований именно то, что в нем в принципе не затрагивалась тема насущных проблем донской медицины. Между тем донские станицы испытывали «крайнюю нужду» в настоящих медицинских работниках. Х.И. Попов и его сподвижники не только не находили возможным обходиться целителями и знахарями, но и настаивали, что каждая станица Донского Войска должна иметь своего штатного фельдшера (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 80).

Вот только в условиях крайнего дефицита людей, получивших медицинское образование, просто ввести фельдшерские должности в станицах было недостаточно. Нужно было найти тех, кто займет их, и депутаты Хоперского округа предлагали на новых для Дона принципах организовать целевое профессиональное медицинское обучение. И снова сама по себе идея подобного обучения была не нова и давно практиковалась правительством: в 1860 г. в различных учебных заведениях Российской империи было выделено 159 оплачиваемых из бюджета вакансий для донских казаков, причем 6 из них – в медицинских учебных заведениях (Краснов, 1863: 404-405). Однако депутаты Хоперского округа предлагали отойти от фиксированного числа вакансий, определяемого имперской и войсковой властью, разрешив вместо этого станичным обществам отправлять в фельдшерские школы столько казаков, сколько они сочтут необходимым, взамен этого возложив оплату за этих учеников не только на войсковую казну, но и на станичные суммы (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 80). На наш взгляд, предложения хоперских депутатов в очередной раз были разумнее правительственных идей: в начале 1860 гг. число вакансий для донских казаков в учебных заведениях не всегда соответствовало количеству желающих учиться в них. Так, хотя в Михайловском артиллерийском училище в 1860 г. было выделено 8 таких вакансий, реально занята была только одна (Краснов, 1863: 402). С другой стороны, развитие целевого обучения не только за счет войска в целом, но и за счет других органов местной власти, при условии, что именно эти органы определяли бы место поступления желающих, видится нам интересным способом решения многих проблем Дона середины XIX в.: например, в Усть-Медведицком округе в это время остро не хватало землемеров, из-за чего межевание земли после крестьянской реформы растянулось более, чем на десятилетие. Дело доходило до почти анекдотических ситуаций: съезд мировых посредников Усть-Медведицкого округа несколько лет ждал, когда войсковые власти пришлют в его распоряжение землемера, и, так и не дождавшись, был вынужден искать землемера самостоятельно, причем

единственный найденный кандидат потребовал оплату вперед, и, получив ее, скрылся (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1057. Л. 3).

На наш взгляд, «Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске Донском», в отличие от «Записки о Войске Донском» А.М. Дондукова-Корсакова, предполагали качественные, а не количественные изменения в системе донского образования. В этом документе не нашла развития базовая для казакоманов идея расширить систему учебных заведений Земли Войска Донского, в соответствующем размере увеличив их финансирование. Зато хоперские депутаты считали необходимым серьезно скорректировать сами принципы, на которых основывалось донское образование: образованным казакам предлагалось давать расширенный объем прав и привелегий, фактически выделяя их, наряду с донскими дворянами и торговыми казаками, в особое субсословие, само образование планировалось сделать максимально доступным для всех казачьих детей, а станицам хотели предоставить возможность самостоятельно выделять суммы для целевого обучения казаков, правда, пока только в фельдшерских школах. Мы показали, что некоторые предложения хоперских депутатов были не слишком продуманы, зато другие, как минимум, заслуживали внимания Военного Министерства. В этом нет ничего удивительного: депутаты от станиц действительно представляли рядовое казачество, поддерживающее донских консерваторов-казакоманов, и в их тексте нашла отражение позиция большинства населения Донского войска по отношению к грядущим реформам. Поэтому, хотя представители хоперских станиц и поддались некоторым популистским, но популярным в казачьей среде идеям, зато одновременно им удалось выразить глубокие потребности казачества, ускользавшие от Военного Министерства, и указать, какие из правительственных законоположений в области образования работали недостаточно, являясь, по сути, полумерами. Однако правительством «Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске

Донском» оказались, в конечном счете, не востребованы. Составленный с участием станичных депутатов проект нового «Положения о Войске Донском» был отвергнут, причем по инициативе не только Военного Министерства, но и других центральных органов Российской империи (Волвенко, 2014: 18). И на то были свои причины: поддерживаемая правительством либеральная концепция преобразований Донского Войска отличалась от предложений казакоманов не в каких-то частных деталях, но по самой сути. Касалось это и сферы образования. Если консерваторы предлагали сконцентрироваться на решении наиболее острых и очевидных проблем, «настоящих потребностей Войска Донского», по выражению А.М. Дондукова-Корсакова, то либералы требовали изменить сами принципы существования казачьего сословия, рассчитывали, что отмена наиболее архаичных прав и привилегий донских казаков уничтожит первопричины существующих проблем. Соответственно, следовало не развивать сеть учебных заведений в казачьих станицах или изменять правовой статус их выпускников, но бороться с теми причинами, по которым эта сеть не была развита.

В этой связи крайне показательна позиция Н.И. Краснова, одного из крупнейших донских статистиков XIX в. и сторонника той программы правительственных реформ, которая была предложена Военным Министерством в начале 1860 гг. Несмотря на свой либерализм, офицер генерального штаба соглашался с казакоманами, признавая, что тяжелейшая ситуация в донском образовании мешала развитию Земли Войска Донского в целом. Он писал: «Образование, находясь в упадке, имело губительное влияние на все отрасли промышленности и общественной деятельности; все должности, требовавшие специальных знаний, наполнялись лицами, не принадлежавшими к войсковому сословию, что, в свою очередь, раздражало донцов» ((Краснов, 1863: 403). Однако Н.И. Краснов отмечал и то, что «особенное стремление донцов к просвещению» стало заметно только с 1860 г., а до этого даже образованные казаки не спешили популяризировать свои

знания, и «в продолжение последнего полувека не было в периодических изданиях и двадцати статей, принадлежащих литераторам этого (Донского – А.П.) края» (Краснов, 1863: 403). Поэтому донской статистик ставил возможные успехи донского образования в зависимость не от развития сети учебных заведений или объема прав их выпускников, но от отношения к образованию самих казаков. «Двери просвещения открыты для всех желающих; остается воспользоваться разумным направлением правительства и идти на поприще науки, художества и искусства; остается воспользоваться теми дарами природы, которые столько лет лежали под спудом» (Краснов, 1863: 404). Любопытно, что эти слова писались почти одновременно с «Запиской о Войске Донском» А.М. Дондукова-Корсакова. Таким образом, когда консервативный автор требовал от правительства конкретных преобразований в сфере донского образования, его либеральный оппонент призывал казаков для начала пользоваться тем, что власти уже сделали. И в этом тоже был определенный смысл: как мы отмечали выше, на начало 1860 гг. оставалась незаполненной часть оплачиваемых государством вакансий в учебных заведениях за пределами войска. При этом к числу невостребованных направлений, помимо обучения артиллеристов, относилось как раз гражданское фундаментальное образование: вакансии в Харьковском университете были заполнены только на 2/3, и имели место случаи, когда желавшие учиться там казаки не встречали поддержки в собственных семьях (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 371).

Но при этом Н.И. Краснов отнюдь не снимал вину за то, в каком состоянии находилось образование на Дону, с имперского правительства. Однако, по его мнению, ошибка центральных властей была куда более серьезной, чем недостаточное финансирование школ или излишняя централизация: донскому статистику казалась неестественной сама ситуация, сложившаяся в Донском Войске. В этом он солидаризировался с тем самым правительственным проектом реформ, который подвергали критике А.М. Дондуков-Корсаков и хоперские депутаты. Приведем ключевую цитату из

этого документа, называвшегося «Соображения учрежденного при Управлении иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках»: «Неестественно положение того общества, в котором все члены составляют одно только военное сословие, обязанное во всякое время иметь в готовности оружие и по первому требованию выступить поголовно в полном снаряжении и на собственный счет» (Волвенко, 2016: 69). Н.И. Краснов не только дословно процитировал эти слова в одной из своих работ (причем без кавычек (Краснов, 1864: 199), но и подтвердил их конкретными примерами, доказывая, помимо прочего, и то, что получение казаками любых навыков, кроме военных, было малополезным делом. «Дворяне потомственные и личные в казачьих населенных местах лишены даже права на свободное избрание рода жизни и занятий, до выслуги определенного срока, который, по своей значительности, оканчивается только тогда, когда они, по своим преклонным летам, не в состоянии уже посвятить себя какому-либо специальному делу; казаки же низшего сословия только в самом ограниченном числе могут обратиться к занятиям торговлею, фабриками, промыслами и ремеслами» (Краснов, 1864: 198). И правительственный проект реформ был направлен как раз на разрешение этой ситуации. Н.И. Краснов в подтверждение этого приводил еще одну цитату из него, правда, снова не проставив кавычек (Краснов, 1864: 199): «Вывести казачьи населенные места из такого ложного положения возможно только ограничением численности военного сословия определенной нормою, с тем, чтобы избыток казачьего населения был освобожден от обязательной службы даже в чрезвычайных ситуациях, и, оставаясь в числе граждан своего края, мог свободно обратиться к другим занятиям» (Волвенко, 2016: 69).

Соответственно, по мнению донского статистика, предложенный в «Соображениях учрежденного при Управлении иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках» проект реформ был

направлен на развитие в казачьих войсках «гражданственности и образованности (курсив мой – А.П.)» (Краснов, 1864: 196), хотя его дальнейший подробный разбор донским статистиком не содержал упоминания ни одного предложения, посвященного собственно образованию (Краснов, 1864: 196-210).

Однако признавая, что с начала 1860 гг. Военное Министерство действовало в правильном направлении, постепенно разрешая проблемы донского образования, Н.И. Краснов не соглашался с теми принципами, на которых в «Соображениях...» предполагалось освобождать часть казаков от службы. Мы не будем подробно анализировать эти принципы, отметив лишь, что они, как и реализованная в последствии в казачьих войсках концепция «войсковых граждан», не давали никакого преимущества образованным казакам. Предложенный правительством проект реформ предусматривал, что любой казак, независимо от образования и материального положения, сможет отказаться несения воинской повинности (Краснов, 1864: 204), однако при этом он потеряет право на получение земельного пая (Краснов, 1864: 199). Н.И. Краснов считал это предложение неудачным, и, критикуя его, высказал мысли, неожиданно близкие к идеям донских казакманов и, особенно, Х.И. Попова. Офицер генерального штаба подчеркивал, что «поземельное право донцы считают главнейшим из своих прав», и уменьшение казачьих наделов «возбудит затаенный ропот неудовольствия» (Краснов, 1864: 208). С другой стороны, Н.И. Краснов выражал надежду, что правительство начало реформы, чтобы облегчить положение казачества, а не заменить их службу другой, «более выгодной для государства» (Краснов, 1864: 207). Поэтому донской статистик советовал Военному Министерству освободить часть казаков от службы, не нарушая важнейшей привилегии Донского Войска, и сохранив за ними земельные участки. Зато право на освобождение от службы должны были получать не все желающие, но только определенные категории казаков, среди которых на втором месте, после лиц, готовых оплатить компенсацию за освобождение от призыва, должны были

идти «специалисты различных наук и искусств», то есть люди, получившие образование (Краснов, 1864: 204). Таким образом, общественные деятели противоположных лагерей вначале 1860 гг. призывали Военное Министерство напрямую связать получение казаками образования и их освобождение от обязательной военной службы, чтобы дать лицам войскового сословия, окончившим гимназический или университетский курс, возможность в полной мере реализовать свои знания. Остается только еще раз пожалеть, что эти призывы не были услышаны...

Заключение

Проекты реформ донского образования начала 1860 гг. интересны уже потому, что в них ярко проявились принципиальные различия между донскими либералами и консерваторами. Консерваторы-казакоманы считали, что успешными могут быть только последовательные реформы, и для благополучия казачества нужно сперва решить насущные проблемы донского края, в том числе и связанные с образованием. Они предлагали правительству сосредоточиться на конкретных преобразованиях, польза от которых была очевидна: расширить донскую сеть учебных заведений, сделать обучение в них более привлекательным для казаков, а так же связать профессии выпускников с реальными потребностями Донского Войска. Либералы-прогрессисты, напротив, утверждали, что нормальному развитию казачества препятствуют не отдельные неудачные законоположения, но сама архаичная сущность военного сословия. Никакие последовательные реформы, оставляющие без изменения эту сущность, не могли быть в полной мере эффективными: так, чтобы увеличить число образованных казаков, было недостаточно открыть новые школы и гимназии, но следовало сначала освободить часть войскового населения Дона от службы, чтобы люди, получившие гражданское образование, могли реализоваться в мирной жизни. Может показаться, что в некоторых практических вопросах либералы и консерваторы сходились, противопоставляя абстрактным идеям

правительства предложения, основанные на донских реалиях: например, донские общественные деятели противоборствующих лагерей считали неправильным, что Военное Министерство, планируя освободить от службы часть казаков, никак не пыталось связывать это освобождение с полученным образованием. Но это сходство носило именно практический характер, при диаметральных различиях в идеологии. В приведенном примере казакманы предлагали дать право не служить выпускникам высших учебных заведений, чтобы от военной службы освобождалось небольшое, не фиксированное число казаков, уже показавших свои способности на гражданском поприще. Увеличение числа подобных «войсковых граждан» должно было идти естественным путем, и ускорять этот процесс следовало исключительно поощрением и распространением образования на Дону. Прогрессисты же предлагали сразу освободить от службы значительную часть местного населения, в среде которой образованные люди составляли бы только небольшую долю. По мнению либералов, такой путь развития значительно ускорил бы развитие казачества, в том числе и в сфере образования, поскольку навыки, получаемые в школах и гимназиях, в гражданской среде оказались бы куда более востребованными, чем в военной, что неизбежно усилило бы «особенное стремление донцов к просвещению», возникшее в начале 1860 гг.

Несмотря на подобные идеологические различия между донскими либералами и консерваторами, предложения князя А.М. Дондукова-Корсакова можно рассматривать как своеобразную программу-минимум в сфере донского образования, необходимость выполнения которой была ясна всем. А.М. Дондуков-Корсаков не предлагал никаких качественных изменений, ограничиваясь техническими требованиями, которые рано или поздно пришлось бы выполнять в любом случае. Начальник штаба Войска Донского считал необходимым строительство собственного здания гимназии в Новочеркасске, открытие новой гимназии в верховых округах, детям из которых было трудно учиться в административном центре Земли Войска

Донского, и расширение сети станичных школ, неудовлетворительной даже по российским меркам. Хотя эта программа носила универсальный характер, закономерно, что ее выдвинул именно казакоман, представитель партии, члены которой делали акцент на решении очевидных и насущных для казачества проблем.

К сожалению, более глубокие проекты, предполагавшие качественные изменения в донском образовании, реализованы не были, главным образом из-за политической борьбы между консерваторами и либералами. Никаких особых прав, ни в прогрессистском, ни в казакоманском варианте, образованные казаки так и не получили. Между тем, даже такие непримиримые идейные противники, как Н.И. Краснов и Х.И. Попов, сходились в том, что выпускников высших учебных заведений из войскового сословия нужно освобождать от службы, чтобы дать им шанс реализоваться в гражданской жизни. Но Военное Министерство так и не услышало донских общественных деятелей: показательно, что при проведении военной реформы 1870 гг. образованные донские казаки получили только часть льгот, положенных представителям других сословий Российской империи, и общий срок их пребывания в строевом разряде исчислялся на общих основаниях (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 43-43об). На наш взгляд, именно в этом нежелании правительства поддерживать образованных казаков, в отсутствии у них даже базовых привилегий, положенных выпускникам университетов из других сословий, нужно искать причины того, почему в 1870 гг. резко замедлился рост числа учащихся на Дону, и традиционная тяга донских казаков к образованию не была использована в полной мере.

Литература

Артинский, 1907 – Артинский И. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. 469 с.

- Василенко, 2005 – Василенко В.Г. Традиционная медицина Дона и Северного Кавказа в первой половине XIX в. // Молодые ученые: сборник статей. Армавир, 2005. С. 24-29.
- Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.
- Волвенко, 2016 – Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-ые гг.) // Primo Aspettu. 2016. № 4 (28). С. 68–71.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Донскова, 2011 – Донскова Н.В. Становление системы народного образования в Области Войска Донского и на Верхнем Дону в XVIII – начале XX вв. // Relga. Научно-культурологический журнал. 2011. № 19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3056&level1=main&level2=articles>
- Захаревич, 2016 – Захаревич А.В. Медицинская служба на Дону и оказание медпомощи донским казакам на Кавказской линии в 1801-1816 гг. // Рубикон. Вып. 68. 2016. С. 49-71.
- Захаревич, 2017 – Захаревич А.В. Историографические вариации на тему состояния медицинской службы на Дону в 1801-1850 гг. // Рубикон. Вып. 69. 2017. С. 15-32.
- История, 2008 – История донского казачества: учебник. Ростов-на-Дону, 2008. 464 с.
- Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Карасев, 1900 – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167-174.
- Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864. 352 с.
- Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.
- Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Оренбургский казак, 1862 – Оренбургский казак. Правда об Оренбургском казачьем войске // Военный сборник. 1862. № 9. С. 103-122.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Соловьева, 1995 – Соловьева С.В. Войско Донское в период Отечественной войны 1812 г. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1995. 197 с.
- Тикиджьян, 2014 – Тикиджьян Р. Г. Донской кодификационный комитет // Донской временник. 2015. Вып. 23. Ростов-на-Дону, 2014. С. 95-98.
- Х.П., 1863 – Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // Донские войсковые ведомости. 1863. № 20. С. 2–3.
- Хорошхин, 1873 – Хорошхин М.Н. Порядок отбывания военной повинности казаками // Военный сборник. 1873. №3. С.121–152.
- Peretyatko, 2017 – Peretyatko A.Y. The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. // History and Historians in the Context of the Time. 2017. 15(1). Pp. 4-22.
- Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E. Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of

the Great Reforms // European Journal of Contemporary Education. 2017. 6(2). Pp. 367-377 [на английском].

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. 2015. Vol.(15). Is. 3. Pp. 194-207.